

История

Историческая правда

Актуальные проблемы Второй мировой войны

ПОДГОТОВКА ГЕРМАНИИ И ЕЕ СОЮЗНИКОВ К НАПАДЕНИЮ НА СССР

Е.Н. Кульков*

В статье на основе анализа широкого круга источников показано, что идея уничтожения СССР и захвата его богатств занимала особое место во внешнеполитической программе национал-социалистов. Без реализации этой идеи они не мыслили осуществления своих планов установления германского мирового господства. Их внешняя и внутренняя политика была, прежде всего, подчинена подготовке к войне против СССР. Германская агрессия в Европе 1936 – 1940 гг. рассматривалась в Берлине лишь как прелюдия к развязыванию антисоветской агрессии. В статье подробно освещена подготовка германского вермахта к нападению на СССР, раскрыт преступный характер целей нацистской верхушки и руководства германских союзников.

Ключевые слова: Германия, национал-социализм, война, «Барбаросса», СССР.

Keywords: German, national-socialism, war, “Barbarossa”, USSR.

18 декабря 1940 г. Адольф Гитлер подписал директиву № 21, в которой под грифом «Совершенно секретно. Только для командования!» содержался план нападения на Советский Союз. Плану было дано условное наименование «Барбаросса» – прозвище германского короля Фридриха I, который, став в 1155 г. императором «Священной Римской империи», проводил особо агрессивную захватническую политику и бесславно погиб во время Третьего крестового похода.

Основную суть директивы, пожалуй, наиболее ярко отражала фраза, с которой она начиналась: «Германские вооруженные силы должны быть готовы разбить Советскую Россию в ходе кратковременной кампании еще до того, как будет закончена война против Англии...

Приказ о стратегическом развертывании вооруженных сил против Советского Союза я отдам в случае необходимости за восемь недель до намеченного срока начала операций.

Приготовления, требующие более продолжительного времени, если они еще не начались, следует начать уже сейчас и закончить к 15.5.41 г.»¹.

Подписание это директивы явилось как бы подведением итогов одного и началом нового решающего этапа германской агрессии, официально зафиксированным верховным главнокомандующим германских вооруженных сил. К тому времени нацистская Германия захватила господствующее положение в Западной Европе и ей оста-

валось сокрушить только Советский Союз для того, чтобы установить свой «новый порядок» во всей континентальной Европе.

Замысел уничтожения СССР Гитлер вынашивал с самого начала своей политической карьеры в качестве нацистского фюрера. В книге «Моя борьба», первое издание которой вышло в свет еще в 1925 г., он писал: «Мы возобновляем движение в том направлении, в котором оно было приостановлено шесть веков тому назад. Мы прекращаем германское движение на юг и запад Европы и обращаем взор на земли на Востоке. Мы, наконец, завершаем колониальную политику... и переходим к территориальной политике будущего. И если мы сегодня говорим о новых землях в Европе, то думаем в первую очередь только о России и подвластных ей окраинных государствах»².

С тех пор идея уничтожения СССР занимала особое место во внешнеполитической программе Гитлера и его приверженцев по нацистской партии. Незадолго до прихода к власти Гитлер в разговоре со своими сподвижниками заявлял: «Не только русские пограничные территории, но вся Россия должна быть расчленена на составные части. Эти компоненты являются естественной имперской территорией Германии»³.

Глава аграрно-политического управления нацистской партии О. Дарре, будущий министр продовольствия и сельского хозяйства в правительстве Гитлера, в то время уже занимался воп-

*Кульков Евгений Николаевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, e-mail: grand@mgimo.ru.

росами о завоевании земель на Востоке. В состав Германии он предлагал включить Прибалтийские государства, Украину и «кавказские государства». Гитлер в узком кругу одобрил это предложение. Он заявил, что «на Востоке, находится наше великое поле для экспериментов». Об этих «экспериментах» Даре говорил следующее: «Страна, населенная чужой расой, должна стать страной рабов...»⁴.

О том, что Гитлер и нацистская верхушка в целом питали особую приверженность идее захвата советских земель, свидетельствовало и его первое совещание с высшим командованием рейхсвера после вступления на пост рейхсканцлера. На этом совещании, проходившем 3 февраля 1933 г., Гитлер заявил, что его правительство одной из самых приоритетных задач в области внешней политики считает «захват нового жизненного пространства на Востоке и его беспощадную германизацию»⁵. Под «германизацией» той или иной территории нацисты подразумевали заселение ее немцами и родственными им по крови другими представителями германской расы, уничтожение или превращение коренного населения в рабов немецких хозяев.

Гитлеровское правительство, обвинив западные державы в нежелании разоружаться, в октябре 1933 г. отозвало свою делегацию с Женевской конференции по разоружению и объявило о своем выходе из Лиги Наций. Тем самым оно сбросило с себя международные обязательства, мешавшие ему развернуть тайную, а затем и открытую подготовку к ведению захватнических войн.

16 марта 1935 г. в нарушение Версальского мирного договора 1919 г. в Германии была введена всеобщая воинская обязанность и создано главное командование сухопутных войск (сокр. ОКХ от нем. *Oberkommando des Heeres*) с генеральным штабом. В том же месяце были легализованы германские военно-воздушные силы, строительство которых тайно началось еще в 1933 г. В июне 1936 г. было создано главное командование ВВС (сокр. ОКЛ от нем. *Oberkommando der Luftwaffe*) и генеральный штаб ВВС. В июне 1935 г. было создано главное командование военно-морских сил (сокр. ОКМ от нем. *Oberkommando der Kriegsmarine*) и штаб ведения войны на море. Важным импульсом для развития ВМС явилось англо-германское морское соглашение от 18 марта 1935 г. По этому соглашению Германия получила право иметь флот, тоннаж которого достигал бы 35 % тоннажа флота Британской империи.

28 августа 1936 г. Гитлер издал «Меморандум об экономической подготовке к войне». В нем говорилось следующее: «I. Немецкая армия через четыре года должна быть боеготовой. II. Немецкая

экономика через четыре года должна быть готовой к войне»⁶. В меморандуме подчеркивалось, что степень вооружения должна быть такой, какая позволит ей «с видами на успех» вести войну против СССР. Г. Геринг, назначенный в сентябре 1936 г. Гитлером генеральным уполномоченным по выполнению четырехлетнего плана, ознакомив с содержанием этого документа членов правительства, утверждал: «Война с Россией неизбежна»⁷.

1 октября 1936 г. четырехлетний план вступил в действие. Главное внимание в ходе его выполнения уделялось наращиванию мощи сухопутных войск. В августе 1937 г. главнокомандующий сухопутными войсками генерал-полковник В. Фрич в меморандуме военному министру В. Бломбергу писал: «Как континентальная держава мы должны одержать наши победы на суше...»⁸.

Нацистская пропаганда в то время была нацелена на то, чтобы внушить немцам мысль о выгоды захватнической войны против СССР. Тон такой пропаганде задавал сам Гитлер. 12 сентября 1936 г. в своей речи на съезде нацистской партии в Нюрнберге он заявил: «Если бы Урал со своими многочисленными сырьевыми запасами, Сибирь с ее богатыми лесами и Украина с ее неизмеримыми площадями под зерновыми культурами находились в подчинении Германии, под руководством национал-социалистов, то немцы жили бы в изобилии. Мы стали бы производить столько, что каждый немец имел бы для жизни более чем достаточно»⁹.

Руководство Третьего рейха в то же время постоянно занимал вопрос, как еще до нападения на СССР свести счеты с западными демократиями, которые навязали Германии в 1919 г. крайне жесткие условия Версальского мирного договора, лишив ее значительной части ранее принадлежавших ей земель и всех заморских территорий. Поэтому оно вскоре после захвата власти начало искать себе союзников среди тех стран, руководство которых отличалось бы наибольшей агрессивностью и стремилось бы к новому переделу мира, было бы враждебно настроено не только против СССР, но и Великобритании, Франции и США. Его выбор пал на фашистскую Италию и милитаристскую Японию, которые, как и нацистская Германия, руководствовались не только антикоммунизмом и антисоветизмом, но и явно стремились к насильственной ревизии мирового устройства, установившегося после Первой мировой войны. По мнению Гитлера, только эти две державы, как и Германия, могли бы «с видами на успех» вести войну против СССР. Все прочие капиталистические страны были отнесены им к числу «зараженных марксизмом», неспособ-

ных вести войну против Советского Союза и поэтому «обреченных на гибель».

Начало германо-итальянскому сближению положила поддержка Германией захватнической войны Италии против Эфиопии в 1935—1936 гг. и итало-германская интервенция на стороне мятежников генерала Ф. Франко в годы Гражданской войны 1936—1939 гг. в Испании, а также заключенное в сентябре 1936 г. секретное соглашение между Гитлером и Муссолини о том, что Германия поддержит Италию в борьбе против западных демократий за господство в Средиземном море, а Италия будет поддерживать стремление Германии к установлению господства в Прибалтике. Официально начавшееся германо-итальянское сотрудничество было закреплено в так называемом Берлинском протоколе от 23 октября 1936 г., в котором Германия признала захват Италией Эфиопии, а Италия обязалась проводить выгодную для Германии политику, в частности, поддерживать ее усилия, направленные на приобретение колоний. Обе стороны согласились расширять военную помощь мятежникам в Испании, согласовывать свою политику в отношении Англии и Франции, «всеми силами бороться против коммунистической пропаганды»³⁰. Так возникла «ось Берлин – Рим».

Германо-японское сближение началось на почве воинствующего антикоммунизма, совместного желания уничтожить Советский Союз, захватить его богатства. С мая 1935 г. по инициативе Германии начались секретные германо-японские переговоры на предмет заключения союзного договора. Эти переговоры длились довольно долго, так как в то время большая часть правящих кругов Японии все еще ориентировалась на сохранение сотрудничества с США и Англией, опасаясь вызвать их недовольство сближением с Германией. Кроме того, Германия являлась одним из конкурентов Японии в борьбе за китайский рынок. Неурегулированным оставался вопрос, связанный с дальнейшей судьбой части бывших колоний Германии в районе Южных морей, которые по Версальскому миру были объявлены японскими владениями. В этой сложной ситуации нацисты и японские милитаристы в обход обычных дипломатических каналов все же сумели провести свою линию. По предложению германской стороны было решено подписать германо-японское соглашение против Коммунистического Интернационала. Это решение было одобрено японским императором и Гитлером, считавшим, что «борьба против коммунизма и коммунистических идей» будет способствовать осуществлению его плана «расчленения России»³¹.

25 октября 1936 г. в Берлине состоялось подписание «Соглашения против Коммунистическо-

го Интернационала» (Антикоминтерновский пакт), по которому Германия и Япония обязались в течение пяти лет совместно «принимать строгие меры против лиц, прямо или косвенно внутри страны или за границей стоящих на службе Коммунистического интернационала». Кроме того, стороны подписали дополнительное секретное соглашение, по которому обоюдно обязались не принимать каких-либо мер, способствующих облегчению положения СССР в случае его «неспровоцированного нападения» на Германию или Японию³².

6 ноября 1937 г. был подписан протокол о присоединении к Антикоминтерновскому пакту Италии. Германия и Япония признали этот протокол «равноценным подписанию оригинального текста пакта» подчеркнув тем самым, что признают Италию своим полноправным партнером³³.

С объединением Германии, Италии и Японии в рамках Антикоминтерновского пакта возник так называемый «мировой политический треугольник», явившийся прологом к формированию военного союза трех агрессивных держав.

По мере того, как росла германская военная мощь, гитлеровское правительство все более склонялось к тому, чтобы сначала разгромить Францию и заставить Англию признать его притязания на установление германского господства в континентальной части Европы. В связи с этим Гитлер в узком кругу единомышленников говорил, что при определенных обстоятельствах он может пойти даже на временный компромисс с СССР, что явится «решающей игрой в его жизни». «Но никто и никогда, – заявлял Гитлер, – не сможет удержать меня от решительного поворота назад и наступления против России после того, как я достигну своих целей на Западе. Разгром СССР, по его словам, должен был «открыть Германии ворота к установлению мирового господства»³⁴.

Начинать борьбу за мировое господство с захватнической войны против СССР нацистская верхушка не хотела также потому, что видела в нем более сильного противника, чем Франция и Англия. Один из германских военных теоретиков в 1935 г. писал: «Совершенно не подлежит сомнению, что при вторжении в такое громадное пространство, как Советский Союз, придется столкнуться с упорным сопротивлением партизанских групп, действия которых многократно увеличат эффективность мероприятий Красной Армии и будут оказывать все более парализующее воздействие на противника, наступающего в глубь безграничного пространства»³⁵.

Гитлер в кругу своих единомышленников при осуждении планов развязывания войны говорил:

«Советская Россия – это очень трудно. Вряд ли я могу с нее начать»¹⁶.

5 ноября 1937 г. Гитлер на секретном совещании в имперской канцелярии с высшим командованием вермахта объявил о своем намерении начать «большую войну» с нападением на Францию, а до этого аннексировать соседнюю Австрию и Чехословакию с тем, чтобы исключить фланговую угрозу наступлению на Западе. Наряду с Францией Гитлер назвал «заклятым врагом» немцев и Англию. Он указывал на ослабление английских позиций в Восточной Азии в результате вторжения в июле 1937 г. японских войск в Китай, на падение престижа Англии в Северной Африке в результате захвата Италией Эфиопии и выражал уверенность в том, что Германия сумеет забрать у нее силой утраченные в годы Первой мировой войны заморские владения¹⁷.

После возникновения оси «Берлин—Рим» и Антикоминтерновского пакта, направленного своим острием против СССР, Гитлер задался целью дополнить их военными союзами с Италией и Японией, направленными как против СССР, так и против западных держав. Однако предпринятая во время визита Гитлера в Рим в мае 1938 г. попытка заключить военный союз с Италией не дала никакого результата¹⁸. Это объяснялось недовольством Рима аншлюсом Австрии в марте 1938 г., а также итало-британским сближением после 16 апреля 1938 г., когда Италия и Англия заключили соглашение, по которому Англия обязалась признать захват Италией Эфиопии в обмен на обязательство Италии вывести свои интервенционистские войска из Испании. Но это соглашение предстояло еще ратифицировать английским парламентом. Поэтому Муссолини не хотел преждевременно расстраивать «дружественные» отношения с Лондоном заключением военного союза с Германией.

Между тем германский министр иностранных дел И. Риббентроп совместно с Х. Осима, назначенным в августе 1938 г. японским послом в Берлине, подготовил проект договора о заключении германо-итало-японского военного союза – «Пакта о консультациях и взаимопомощи», который для краткости стал именоваться Тройственным пактом. Его содержание сводилось к принятию договаривающимися сторонами обязательства оказывать друг другу военную помощь в случае «неспровоцированного» нападения на одну из них одного или нескольких государств. Этот проект был вручен Б. Муссолини и его министру иностранных дел Г. Чиано во время Мюнхенской конференции четырех держав¹⁹.

24 октября 1938 г. Риббентроп прибыл в Рим, рассчитывая заручиться согласием Муссолини на

заключение Тройственного пакта. Но такого согласия он не получил. Муссолини заявил, что с заключением этого пакта следует повременить до тех пор, пока не будут уточнены цели его участников в «изменении политической карты мира», и при этом выразил несогласие с тем, что в проекте договора предусмотрено создание «чисто оборонительного альянса», в то время, когда ни одному из его участников никто не угрожает нападением²⁰.

К числу действительных причин, которые побуждали Муссолини отклонить проект Тройственного пакта и о которой он умалчивал в разговоре с Риббентропом, относилось его нежелание осложнять итало-английские отношения раньше, чем английский парламент ратифицирует итало-английское соглашение о признании Англией захвата Эфиопии. 15 ноября 1938 г. это соглашение было ратифицировано. После этого итальянские фашисты почувствовали себя победителями и загорелись желанием продолжить начатую в 1935 г. территориальную экспансию. В конце ноября 1938 г. они открыто выступили с притязаниями на часть земель Франции и ее заморских владений под лозунгом «Тунис! Джибути! Ницца! Корсика!»²¹, а также пытались завязать с нацистской верхушкой в Германии переговоры о «разделе Советского Союза» с тем, чтобы «защитить свои интересы в районе Черного моря»²².

Антифранцузские выступления итальянских фашистов и их зондаж относительно участия в разделе СССР убедили нацистскую верхушку Германии в том, что Муссолини все же согласится на заключение Тройственного пакта. В штабе верховного главнокомандования вермахта (ОКВ) заранее были подготовлены «Соображения относительно переговоров представителей вермахта с Италией» о сотрудничестве вооруженных сил двух стран «в войне Германии и Италии против Франции и Англии с целью, в первую очередь, разгромить Францию»²³.

2 января 1939 г. Муссолини действительно сообщил в Берлин о готовности Италии заключить с Германией и Японией Тройственный пакт без каких-либо поправок в его тексте в последней декаде текущего месяца²⁴. После этого Риббентроп специальным курьером направил проект Тройственного пакта на рассмотрение в Токио. Одновременно Гитлер и Риббентроп задались целью расширить круг участников Антикоминтерновского пакта за счет Польши, Венгрии, Маньчжоу-Го и франкистской Испании. 24 февраля протоколы о вступлении в Антикоминтерновский пакт подписали Венгрия и Маньчжоу-Го. 27 марта членом антикоминтерновского пакта стала Франкистская Испания. Что касается присоединения Польши к

Антикоминтерновскому пакту, то здесь возникли трудности в связи с тем, что Гитлер и Риббентроп одновременно потребовали от нее согласиться с «возвращением» Германии свободного города Данцига, подавляющую часть населения которого составляли немцы, а также предоставления Германии права на создание экстерриториальной автомобильной и железнодорожной связи, которая соединит Германию с Восточной Пруссией. При этом Риббентроп угрожал, что в случае отказа Польши от выполнения этих требований германское правительство потребует возврата ему всех тех областей Германии, которые она получила по Версальскому мирному договору. Однако эта угроза не подействовала. Тогда Польша, которая раньше слыла чуть ли не союзницей Германии и выступала с ней единым фронтом против СССР, стала рассматриваться Гитлером как один из ближайших объектов нападения.

Японское правительство в марте 1939 г. в принципе одобрило проект договора о германо-итало-японском военном союзе, но потребовало, чтобы в договоре о союзе обязательно содержалась оговорка о том, что он имеет исключительно антисоветскую направленность. Необходимость внесения в текст союзного договора такой оговорки мотивировалась тем, что Япония еще не готова вести эффективную войну на море против США и Англии, а также нежеланием испортить японо-американские отношения и, как следствие этого, лишиться экспорта из США нефти, железного лома и других стратегических материалов²⁵.

Германское правительство не было намерено выполнять японское требование. Оно хотело создать универсальный военный блок, рассчитанный на ведение войн, как против западных демократий, так и против СССР. При этом свою ближайшую задачу после ликвидации Чехословацкой республики в марте 1939 г. оно видело в том, чтобы создать благоприятные внешние условия для нападения на Польшу, правящие круги которой активно участвовали вместе с ним в разделе и ликвидации Чехословакии.

Правительство Италии, вынашивавшее планы установления господства на Средиземном море, в отличие от японского правительства, было согласно с германским правительством в том, чтобы германо-итало-японский военный союз был заключен не только на случай войны против СССР, но и против любого другого государства. Вместе с тем оно учитывало, что экономика Италии подорвана войной против Эфиопии и вооруженной интервенцией в Испании, считало, что ему удастся завершить подготовку к успешному ведению широкомасштабной войны в союзе с Гер-

манией только не ранее 1942 г. 16 апреля 1939 г. Муссолини и его министр иностранных дел Чиано поставили об этом в известность посетившего Рим Геринга. Тогда же они выразили Герингу свою озабоченность тем, что обострение территориальных споров Германии с Польшей, независимость которой гарантировали Англия и Франция, может повлечь за собой возникновение общеевропейской войны раньше, чем Италия будет достаточно сильна, чтобы рассчитывать на победу. 3 апреля Гитлер уже подписал директиву на подготовку к нападению на Польшу 1 сентября 1939 г. Однако Геринг скрыл это от Муссолини. Он заявил, что Германия, как и Италия в ближайшие годы не намерена нарушать мир в Европе, что Гитлер якобы ничего против Польши не планирует²⁶. Во многом благодаря этой лжи германскому правительству удалось склонить итальянское правительство 22 мая 1939 г. к подписанию договора о германо-итальянском военном союзе («Стальной пакт»). Однако, как накануне, так и после заключения этого союза Муссолини неоднократно ставил Гитлера в известность о том, что Италия сможет завершить подготовку к широкомасштабной войне в Европе лишь после 1942 г. Но Гитлер не допускал и мысли, что ради соблюдения интересов союзной Италии придется на несколько лет отказаться от начавшегося курса на расширение германских захватов в Европе²⁷. Итальянское правительство, в свою очередь, действовало только в своих собственных интересах. Так, не поставив Германию заранее в известность и воспользовавшись обострением ее отношений с западноевропейскими державами из-за Польши, оно 7 апреля 1939 г. захватило и включило в состав фашистской империи Албанию.

Гитлеровское руководство в период подготовки нападения на Польшу считало, что Англия и Франция ни при каких обстоятельствах не встанут на защиту Польши и, как и прежде, дадут «зеленый свет» для продвижения германцев на Восток к границам СССР. Но оно не знало, как на нападение на Польшу отреагирует СССР, руководство которого раньше неизменно осуждало нацизм и германскую агрессию в Европе. Поэтому нацистская верхушка решила пойти на временное улучшение отношений с СССР, и для того, чтобы нейтрализовать его на время Польской кампании, выразило готовность заключить с ним договор о ненападении и гарантировать неприкосновенность его «сферы интересов» в Восточной и Северной Европе. Советское руководство 23 августа 1939 г. заключило этот договор с Германией, поскольку западные державы в Мюнхене нанесли смертельный удар по всем его предыдущим попыткам создать в Европе систему кол-

лективной безопасности и, как показали переговоры с ними весной и летом 1939 г., в действительности не желали вести конструктивный диалог о совместном отпоре агрессору. СССР необходимо было найти какой-то выход из международной изоляции и новый путь для обеспечения собственной безопасности. С германской же стороны заключение с СССР договора о ненападении ни в коем случае не было отказом от претворения в жизнь антисоветских замыслов. «Все, что я предпринимаю, направлено против России, – говорил 11 августа 1939 г. Гитлер комиссару Лиги Наций в свободном городе Данциг К. Буркхардту. – Если Запад слишком глуп и слеп, чтобы это понять, то я буду вынужден договориться с русскими, разбить Запад, а потом, после его поражения, всеми собранными силами двинуть против Советского Союза»²⁸.

С германской стороны заключение советско-германского договора было тактическим маневром и ни в коем случае не переориентацией на новую политическую стратегию. Выступая перед группой членов рейхстага и гаулейтеров 28 августа 1939 г., Гитлер подчеркивал, что Пакт о ненападении «ничего не изменяет в принципиальной антибольшевистской политике» и, более того, будет использоваться Германией против Советов²⁹. Заинтересованность Гитлера в установлении внешне дружественных отношений с СССР еще более усилилась во время начавшейся 1 сентября 1939 г. Польской кампании вермахта. Вопреки его прогнозам Англия и Франция 3 сентября 1939 г. в ответ на его отказ отвести немецкие войска с уже занятой вермахтом части польской территории и вступить с ними новые переговоры объявили Германии войну. Вместе с тем, ни Англия, ни Франция ничего не предприняли, чтобы защитить союзную им Польшу. Развернув войска у западной границы Германии, они с 3 сентября 1939 г. до перехода вермахта в наступление 10 мая 1940 г. вели так называемую «странную войну». В этот отрезок времени боевые действия между немецкими и французскими войсками практически не велись. Они сводились к местным разведывательным операциям и артиллерийским перестрелкам, а также к акциям по разбрасыванию листовок. Это позволило Германии после разгрома Польши беспрепятственно подготовиться к наступлению с целью разгрома англо-французской коалиции. При этом она не заручилась помощью ни от союзной Италии, ни от партнера по Антикоминтерновскому пакту – Японии. Итальянское правительство с согласия Гитлера 1 сентября 1939 г. объявило о «неучастии» Италии в войне и фактически заняло нейтральную позицию. Японское правительство 4 сентября также заявило о своей «не-

заинтересованности» в войне в Европе и намерении сосредоточить усилия на «урегулировании» конфликта» в Китае. Попытки Риббентропа и германского посла в Токио О. Отта добиться согласия Японии на заключение военного союза против Англии, не давали никакого результата. Вопреки советам Гитлера и Риббентропа нормализовать отношения с СССР и переключиться на борьбу вместе с Германией против западноевропейских держав Италия и Япония во время советско-финской войны 1939–1940 гг. выражали готовность вместе с Англией и Францией принять участие в «крестовом походе» против СССР. 3 января 1940 г. Б. Муссолини направил Гитлеру письмо с призывом выступить войной против СССР. «Решение вопроса о вашем жизненном пространстве, – писал он, – находится в России и нигде больше... В тот день, когда мы уничтожим большевизм, мы сохраним верность обеим нашим революциям. Потом наступит очередь демократий»³⁰.

К тому времени итальянский МИД уже разработал план создания «великой независимой Украины, границы которой простирались бы до Кавказа, с тем, чтобы лишить Россию доступа к Черному и Средиземному морю»³¹.

На случай, если Германия и другие страны Европы выступят против СССР, в Японии зимой 1939/40 г. были приняты меры по наращиванию сил Квантунской армии в Маньчжурии, предназначавшейся для захвата советского Дальнего Востока и Восточной Сибири. Число дивизий в этой армии увеличилось с 9 до 11, крупных отрядов в пограничных укрепленных районах – с 8 до 13, авиаполков – с 18 до 22³².

Сама Германия во время советско-финляндской войны проводила по отношению к СССР внешне дружественную, но по сути враждебную политику. Во время резкого обострения советско-финляндских отношений осенью 1939 г. она, в нарушение германо-советского секретного протокола от 23 августа, заключила соглашение с Финляндией договор о продаже ей в октябре 134 зенитных орудий и 390 тыс. артиллерийских снарядов, предоставила Италии свои железные дороги для перевозки в Финляндию боевых самолетов. Узнав об этом из шведских газет, советское правительство заявило Германии протест³³. После этого Германия была вынуждена отказаться от транзита вооружения финнам из Италии. Однако 21 декабря она договорилась со Швецией, что будет поставлять ей свое вооружение в таком же количестве, какое она предоставит Финляндии из своих запасов. В результате реализации этой секретной договоренности Швеция стала одним из крупнейших поставщиков оружия финнам.

Она направила им 300 артиллерийских орудий, 475 пулеметов, 84 тыс. винтовок и 50 млн винтовочных патронов³⁴.

Официально германское правительство заявляло о своей «незаинтересованности в финляндском вопросе». Однако на практике оно старалось не допустить разгрома Финляндии, сохранить ее в качестве одного из вероятных союзников в предстоящей войне против СССР. Поэтому с середины февраля 1940 г., когда стало очевидно, что в случае продолжения войны Финляндия будет оккупирована советскими войсками, рейхсмаршал Геринг рекомендовал ей заключить мир с СССР на любых условиях, и обещал, что после победы Германии над Англией Германия вернет ей территории, которые она уступит Советскому Союзу, «даже с процентами»³⁵.

Для Гитлера и в период «странной войны» по-прежнему конечной целью войны в Европе оставался захват «земель России и подвластных ей окраинных государств».

17 октября 1939 г. генерал-квартирмейстер сухопутных войск Германии полковник Э. Вагнер получил приказ Гитлера о том, чтобы в Восточной Польше были приведены в порядок и поддерживались в хорошем состоянии железные и шоссейные дороги, а также средства связи. «Эта область, — говорил он, — имеет для нас военное значение как передовое укрепление. Она может быть использована для развертывания войск»³⁶.

Гитлер, по свидетельству его бывшего адъютанта Н. Белова, после разгрома Польши неоднократно во время бесед со своими генералами говорил, что ему необходимо «высвободить тыл» на Западе для того, чтобы легче было «разгромить большевизм»³⁷. Действительно, 23 ноября 1939 г. Гитлер на совещании с представителями высшего командования вермахта заявил: «Россия сейчас не опасна. Она сегодня ослаблена многими внутренними процессами. Кроме того, у нас есть договор с Россией. Договоры, однако, соблюдаются только до тех пор, пока они соответствуют целям... Факт, что сейчас русские вооруженные силы малобоеспособны. Это нынешнее состояние будет существовать ближайший год или два... Мы сможем выступить против России только тогда, когда будем свободны на Западе»³⁸.

Стоило только немецким войскам сломить в ходе начавшегося 10 мая 1940 г. наступления на Западном фронте оборону французских войск, как в Берлине начались разговоры о предстоящем походе вермахта на Восточном фронте. 23 мая статс-секретарь германского МИД Э. Вайцзеккер отметил в своем дневнике: «Только при условии такой потрясающей победы на Западе открывается

возможность навести также твердый порядок на Востоке, где есть пространство и неустойчивые границы. Пойдет ли Англия на уступки, или же придется бомбами склонить ее к миролюбию — в любом случае, вероятно, на Востоке дело дойдет до предъявления нового счета»³⁹.

После заключения 22 июня 1940 г. перемирия с Францией германское военное руководство предполагало, что Англия, потеряв своего единственного союзника — Францию, через несколько недель откажется от продолжения борьбы, и тогда можно будет продиктовать свои условия мира одновременно Англии и Франции, а затем, совершенно не беспокоясь за свой тыл на Западе, повернуть оружие против Советского Союза. Но этот расчет не оправдался. Англия отказалась от вступления с Германией в мирные переговоры. Тогда немецкое командование приняло решение поставить Англию, если потребуется, на колени путем высадки немецких войск на Британские острова и варварской бомбардировки ее городов. Но во второй половине сентября 1940 г. немецкое командование отказалось от намерения осуществить десантную операцию на Британские острова и переключилось на планирование и подготовку нападения на СССР. При этом Гитлер считал, что «если Россия будет разгромлена», то «Англия потеряет последнюю надежду» и будет вынуждена просить мира у Германии⁴⁰.

Начальник генерального штаба сухопутных войск генерал-полковник Ф. Гальдер 3 июля по собственной инициативе еще до получения соответствующего распоряжения Гитлера, вместе с начальником своего оперативного отдела полковником Г. Грейфенбергом приступил к изучению вопроса о «нанесении России военного удара», который «вынудил бы ее признать господствующую роль Германии в Европе»⁴¹.

21 июля на совещании у Гитлера главнокомандующий сухопутными войсками генерал-фельдмаршал В. Браухич выступил с докладом о соотношениях генштаба на этот счет. Он заявил, что в Красной Армии насчитывается якобы всего 50—70 «хороших дивизий» и поэтому для ее разгрома потребуется не более 80—100 немецких дивизий, на сосредоточение и развертывание которых у советской границы уйдет 4—6 недель. Он предложил начать наступление осенью 1940 г. с целью захвата европейской части СССР на такую глубину, при которой полностью исключалась бы вероятность нанесения советской авиацией ударов по Берлину и промышленному району Силезии. Гитлер принял этот доклад к сведению и распорядился продолжить планирование войны против СССР⁴².

Для ускорения разработки более детального плана нападения на СССР Гальдер прикомандировал к

генштабу начальника оперативного отделения 40-го корпуса подполковника Г. Фейер-абенда и начальника штаба 18-й армии генерал-майора Э. Маркса, слывшим среди немецких офицеров крупным «специалистом по России». В последние дни июля Фейерабэнд и Маркс представили Гальдеру свои планы организации наступления. Практически они были одинаковы. В них предусматривалось развертывание немецких войск для нападения на СССР с таким расчетом, чтобы, сломив оборону советских войск на северном и южном участках Восточного фронта, осуществить захват Москвы. Предпочтение при этом отдавалось сосредоточению основной массы соединений на южном участке. Они должны были разгромить противника на Украине, а затем продолжить наступление в северном направлении с целью овладеть Москвой. Для развертывания наступления на главном южном направлении предлагалось использовать румынскую территорию. Гальдер отверг первые наброски плана войны против СССР. По его мнению, планировать нанесение главного удара на южном участке фронта было нецелесообразно по нескольким причинам: из-за того, что препятствием для развития успеха в глубину являются такие водные преграды, как Днестр и Днепр, а также отсутствие пока политических предпосылок для установления военного сотрудничества с Румынией. А главное, что не устраивало Гальдера, так это слишком длинный обходный путь для овладения Москвой ударом с юга. Он считал, что, чем короче будет путь к Москве, тем быстрее удастся одержать победу над СССР. Ему больше импонировала идея развертывания самой мощной стратегической группировки для прямого наступления через Минск на Москву с целью ее захвата и последующего поворота на юг с тем, чтобы выйти в тыл советских войск на Украине и заставить их сразаться с перевернутым фронтом⁴³.

В начале июля 1940 г. в планирование войны против СССР включилось также управление (8 августа переименовано в штаб) оперативного руководства верховного главнокомандования вермахта (ОКВ). Его начальник генерал-полковник А. Йодль был не согласен с теми соображениями, которые 21 июля были изложены Браухичем в ставке Гитлера. Он считал, что для разгрома Красной Армии потребуется использовать не 80—100, а 120 дивизий, что для их сосредоточения и развертывания на Восточном фронте потребуется не 4—6 недель, а примерно четыре месяца, что приведет к задержке с переходом в наступление и возникновению трудностей из-за наступления осенней распутицы и зимних холодов. Йодлю 29 июля удалось переговорить с Гитлером и убедить его перенести начало нападения на СССР на следующий год⁴⁴.

Возникшие разногласия среди немецких военачальников были сняты Гитлером на совещании 31 июля, где присутствовали Браухич, Гальдер, Кейтель и Йодль. Гитлером было принято решение о нападении на СССР не в 1940, а мае 1941 г. Им же был установлен срок «уничтожения жизненной силы России» — 5 месяцев, то есть до наступления осенней распутицы. Гитлер ориентировал участников совещания на разгром Красной Армии в ходе «одного стремительного удара». Он же сформулировал следующие основные элементы оперативно-стратегического замысла: 1) удар на Киев с выходом к Днепру; 2) удар через Прибалтику и Белоруссию на Москву; 3) последний охватывающий удар с севера и юга с целью захвата европейской части СССР; 4) проведение отдельной операции по овладению нефтеносными районами Баку. Гитлер согласился с предложением Йодля увеличить количество дивизий, предназначенных для нападения на СССР, до 120. Но вопрос о направлении главного удара — на Москву или Киев — оставил открытым⁴⁵.

На основании этих указаний «фюрера» началась работа по составлению новых планов войны на Востоке в генеральном штабе сухопутных войск и управлении оперативного руководства ОКВ.

Гальдер поручил Марксу составить такой проект, в котором предусматривалось бы нанесение главного удара не на киевском, а на московском направлении. Такой проект под условным названием Оперативный проект «Ост» Маркс представил ему 5 августа 1940 г. Он начинался с формулировки цели предстоящей кампании — «Разбить русские вооруженные силы и лишить Россию возможности на обозримом отрезке времени выступить в качестве противника Германии»⁴⁶. В нем после разгрома Красной Армии намечалось отнять у СССР Украину с ее промышленностью, богатыми продовольственными и сырьевыми ресурсами, Донецкий бассейн и промышленные центры Москвы и Ленинграда. В проекте подчеркивалось особое значение Москвы как «экономического, политического и духовного центра СССР» и на этом основании делался вывод о том, что овладение им «разрушит целостность русской державы»⁴⁷.

Конечный рубеж наступления немецких войск устанавливался на линии Дон—Волга—Северная Двина. Этого, по мнению Маркса, было достаточно для того, чтобы поставить советское руководство в безвыходное положение и капитулировать.

В проекте Маркса учитывалось, что западные области СССР, где будут разворачиваться военные действия, разделены неудобными для наступления Припятскими болотами «на два изолированных операционных пространства», и, соответ-

венно, предлагалось вести наступление на двух направлениях силами двух групп армий. Группа Армий «Север» должна была нанести удар из Северной Польши и Восточной Пруссии на Москву, а группа армий «Юг» – из Галиции и Южной Польши на Киев, к среднему течению Днепра. Главные силы немецких войск намечалось использовать на московском направлении. Они должны были, как настаивал на этом Гальдер, «прямым ударом по Москве разбить и уничтожить главные силы русской северной группы» в Белоруссии, затем «овладеть Москвой и Северной Россией, повернуть фронт на юг, чтобы во взаимодействии с южной немецкой группой занять Украину и в конечном счете выйти на рубеж Ростов, Горький, Архангельск». Для прикрытия северного фланга войск, участвующих в этой грандиозной операции, Маркс предлагал создать особую группу войск. Она должна была вести наступление в направлении нижнего течения Западной Двины, Пскова и Ленинграда⁴⁸.

Продолжительность столь грандиозной кампании на фронте до 2,4 км и на глубину более тысячи км должна была, по мнению Маркса, составить не более 17 недель. Успех немецких войск в такой короткий срок, исходя из опыта молниеносных войн против Польши и Франции, связывался с достижением внезапности нападения, созданием значительного количественного и качественного превосходства немецких войск. Маркс исходил из предположения, что советское командование из-за необходимости обеспечивать безопасность границ СССР от Японии, Турции и Финляндии сможет выставить против Германии только 119 стрелковых и кавалерийских дивизий и 28 мотомехбригад. На этом основании он делал вывод о том, что для их разгрома потребуется 147 немецких дивизий, в том числе 24 танковых и моторизованных⁴⁹. Маркс считал, что этих сил будет более чем достаточно для того, чтобы разгромить и уничтожить главные силы Красной Армии в ходе первых же приграничных сражений в течение трех, максимум 7 недель⁵⁰. В варианте плана Маркса красной нитью проходила идея о неспособности Красной Армии выдержать первый концентрированный удар вермахта, а также о полной бесперспективности попыток СССР оказывать сопротивление Германии после утраты его промышленных центров в Европе. Советские промышленные регионы, расположенные далее к Востоку, отмечал Маркс, не обладают «достаточно высокой производительностью»⁵¹. Недооценка Марксом боеспособности Вооруженных Сил СССР и их возможностей продолжать войну в результате утраты наиболее развитых облас-

тей в Европе была воспринята как аксиома немецкими генералами и офицерами, причастными к дальнейшей разработке плана антисоветской агрессии. Начальник разведотдела «Иностранные армии – Восток» полковник Э. Кинцель, например, заявлял, что Красная Армия будет разбита уже в приграничных районах, потому что ее «парализует страх перед немецкой армией, и она будет лишена способности принять какое-либо решение»⁵².

Параллельно работа над планом войны против СССР велась и в штабе оперативного руководства ОКВ. Непосредственная ответственность за подготовку этого документа Йодль возложил на референта по делам сухопутных войск из отдела «Оборона страны» подполковника Б. Лоссберга. Последний вместе с группой подчиненных ему офицеров 15 сентября 1940 г. завершил свою «Оперативную разработку Ост» и доложил ее Йодлю⁵³. В основу варианта Лоссберга, как и варианта Маркса, была положена концепция молниеносной войны. В нем подтверждалась вероятность разгрома основных сил Красной Армии в ходе первых же сражений у границы и развала СССР после того, как он лишится большей части своей европейской территории. «Целью кампании против России, – говорилось в варианте Лоссберга, – является: стремительными действиями уничтожить расположенную в Западной России массу сухопутных войск, воспрепятствовать отводу боеспособных сил в глубину русского пространства, а затем, отрезав западную часть России от морей, прорваться до такого рубежа, который, с одной стороны, закрепил бы за нами важнейшие районы России, а с другой – мог бы послужить удобным заслоном от ее азиатской части»⁵⁴. Вместе с тем, в варианте Лоссберга содержались и новые идеи. В частности, в ней предусматривалось создание не только двух мощных группировок для наступления на московском и киевском направлениях, но еще и самостоятельной третьей группировки на ленинградском направлении, а также использование для сосредоточения и развертывания немецких войск у границ СССР не только территории Восточной Пруссии и оккупированной Польши, но и территории Румынии и Финляндии. Правящие круги этих двух стран к тому времени стали рассматриваться в Берлине уже как вероятные союзники.

Согласно варианту Лоссберга, две группы армий должны были развернуть наступление севернее, а одна южнее Припятских болот. При этом две трети сил, выделенных для нападения на СССР, должны были бы войти в состав двух групп армий, действующих севернее этих болот. Одна из них, в состав которой предполагалось включить

основную массу танковых и моторизованных соединений, должна была нанести удар на московском направлении из Польши в промежуток между верховьями Днепра и Западной Двины и форсировать эту водную преграду. Восточнее Западной Двины эта группа армий должна была установить взаимодействие с наступающей севернее из Восточной Пруссии группой армий на ленинградском направлении. Группе армий, наносившей главный удар на Москву, предписывалось время от времени наносить своими подвижными соединениями удары в северном направлении, чтобы отрезать советским войскам путь к отступлению, находящийся перед фронтом северной группировки немецких войск. Эти удары должны были наноситься во время оперативных пауз, которые возникают при быстром наступлении на большую глубину из-за отставания тыловых служб⁵⁵.

В варианте Лоссберга был изложен план использования Финляндии в качестве союзника. Он заключался в том, чтобы финляндская армия вместе с находившейся в то время в Норвегии 21-й группой немецких войск образовали так называемую «Северную группу». Небольшая часть сил этой группы должна была захватить Мурманск, а основная масса — перейти в наступление из южной части Финляндии с целью соединения с немецкими войсками северной группы армий в районе Ладожского озера, как только она приблизится к Ленинграду⁵⁶.

Группе армий, наступающей южнее Припятских болот, надлежало, нанося сильные удары своими внешними флангами, окружить и уничтожить советские войска на Правобережной Украине, форсировать Днепр и, выйдя на рубеж восточнее Припятских болот, установить непосредственное соприкосновение с войсками, действующими в северной операционной зоне. В дальнейшем предусматривалось объединение обеих главных группировок и их совместное продвижение вглубь России до рубежа, который будет определен ставкой Гитлера. Потеряв свои западные территории и выходы к морям, согласно варианту Лоссберга, СССР не смог бы дальше вести войну даже в том случае, если бы в его руках осталась военная промышленность Урала⁵⁷.

Идеи, изложенные в вариантах Маркса и Лоссберга, легли в основу дальнейшей работы по планированию войны против СССР. Ее координация с начала сентября 1940 г. была возложена на 1-го обер-квартирмейстера генерального штаба сухопутных войск генерал-лейтенанта Ф. Паулюса. В ноябре эта работа в основном была завершена. Новым вариантом плана, как и в варианте Лоссберга, предусматривалось создание трех

групп армий — «Север», «Центр» и «Юг, которые должны наступать на Ленинград, Москву и Киев. В «восточном походе» намечалось использовать 130—140 дивизий. Считалось, что этих сил будет достаточно, чтобы разгромить Красную Армию в течение 6—8 недель⁵⁸. Новому плану после уточнения в ходе двух военных игр, по предложению Лоссберга, дали условное название «Фриц». 5 декабря 1940 г. Гальдер представил его Гитлеру. Гитлер одобрил представленную ему разработку, однако высказал пожелание, суть которого заключалась в том, чтобы после разгрома основных сил Красной Армии в приграничных сражениях группа армий «Центр» имела бы «достаточно войск, чтобы быть в состоянии повернуть значительную часть сил на север» и тем самым оказать поддержку группе армий «Север» в окружении советских войск в Прибалтике⁵⁹, а затем во взаимодействии с группой армий «Юг» продолжить наступление на Москву. Эта поправка противоречила первоначальному желанию Гальдера нанести «прямой удар на Москву». Однако ни он сам, ни кто-либо из других участников совещания, не возразили Гитлеру. Они были уверены, что результат войны будет предreshен в пользу Германии разгромом Красной Армии в течение нескольких недель уже в приграничных сражениях.

В первой половине декабря работа над планом была полностью завершена. На его основе Лоссберг под руководством Йодля подготовил директиву № 21, которую Гитлер подписал 18 декабря 1940 г. В ней в концентрированном виде отразилась абсолютизация германским военным командованием опыта молниеносных войн против Польши и Франции, уверенность в том, что война против СССР будет выиграна в течение нескольких недель в ходе приграничных сражений. Поэтому они поставили задачи группам армий «Север», «Центр» и «Юг» только на глубину одной стратегической операции до рубежа рек Днепр—Западная Двина. Группа армий «Центр» должна была наступать особо сильными танковыми и моторизованными соединениями из района Варшавы и севернее ее, с целью раздробить силы противника в Белоруссии. Затем ей предписывалось передать часть своих сильных подвижных войск группе армий «Север» для успешного решения задачи по полному уничтожению войск противника в Прибалтике и захвату Ленинграда. После этого, группа армий «Центр» и «Север» всеми своими силами должны были возобновить наступление на Москву. Раздельное наступление двух групп армий на Ленинград и Москву предусматривалось только в случае неожиданно быстрого развала фронта советских войск.

Группе армий «Юг» была поставлена задача развернуть основные силы на своих северном и южном флангах, а затем посредством нанесения концентрических ударов еще до выхода к Днепру полностью уничтожить советские войска на Правобережной Украине. Главный удар наносился из района Люблина в общем направлении на Киев. Находившиеся в Румынии немецкие войска должны были форсировать р. Прут в нижнем течении и осуществить глубокий охват противника.

В директиве подчеркивалась важность быстрого захвата немецкими войсками после форсирования Днепра Москвы и Донецкого бассейна. Однако вопрос о взаимодействии групп армий «Центр» и «Юг» во время наступления к востоку от Днепра не рассматривался. Авторы директивы считали, что за Днепром боевые действия будут носить характер преследования остатков разгромленных советских войск, что немецкие войска без особого труда выйдут на линию Волга—Архангельск и создадут там «заградительный барьер против Азиатской России»⁶⁰.

Намерение высшего военного руководства Германии нанести Красной Армии решающее поражение одним первым ударом проявилось в ходе планирования в том, что оно все более склонялось к наращиванию сил наступательных группировок и все меньше уделяло внимания созданию резервов. Если в плане Маркса намечалось выделить в состав групп армий 103 дивизии, а в резерве для наращивания силы ударов в глубине оставить 44 дивизии, то по плану «Барбаросса» количество дивизий в группах армий должно было увеличиться до 125, а резерв сократиться до 28 дивизий⁶¹. Никто из немецких генералов не допускал и мысли о том, что запланированный ими молниеносный разгром СССР может быть сорван Красной Армией, что «война на Востоке» может принять затяжной характер.

При планировании войны против СССР германские генералы немалые надежды возлагали на ослабление Красной Армии в результате так называемых «сталинских чисток». Они считали, что Красная Армия не сможет восстановить свою боеспособность, по крайней мере, в течение нескольких ближайших лет, что ее новый, еще не набравший опыта высший командный состав «не будет способен оперативно командовать крупными соединениями»⁶². Гитлер в кругу своих генералов 9 января 1941 г. заявлял: «Русские вооруженные силы являются глиняным колоссом без головы... Поскольку Россию в любом случае необходимо разгромить, то лучше это сделать сейчас, когда русская армия лишена руководителей и плохо под-

готовлена»⁶³. Вместе с тем он указывал, что не следует недооценивать противника, требовал, чтобы для нападения на СССР были выделены самые лучшие силы, чтобы целью наступательных операций было не вытеснение противника с занимаемых им позиций, а его уничтожение, а также захват важнейших промышленных областей и разрушение остальных центров промышленности.

31 января 1941 г. главное командование сухопутных войск (ОКХ) издало директиву по стратегическому развертыванию сухопутных войск по плану «Барбаросса»⁶⁴. Их общая задача, согласно директиве, состояла в том, чтобы «осуществить широкие подготовительные мероприятия, которые позволили бы нанести поражение Советской России в быстротечной кампании еще до того, как будет закончена война против Англии». Эту задачу намечалось выполнить посредством нанесения быстрых и глубоких ударов мощными подвижными группировками севернее и южнее Припятских болот с целью разобщить и уничтожить главные силы советских войск в западной части СССР, не допустив отступление их боеспособных частей в обширные внутренние районы страны. Выполнение этого замысла, утверждалось в директиве, будет способствовать попытке крупных соединений советских войск «остановить немецкое наступление на линии рек Днепр, Западная Двина». В директиве были указаны районы сосредоточения и ближайшие цели немецких группировок, выделенных для проведения операции «Барбаросса».

3 февраля 1941 г. Браухич и Гальдер представили эту директиву на рассмотрение Гитлеру, который ее полностью одобрил. Затем она была направлена в штабы трех групп армий, военно-воздушных и военно-морских сил. Штабы групп армий разработали оперативные планы всех объединений, которые были рассмотрены в генеральном штабе сухопутных войск. Планы групп армий «Юг» и «Север» Гальдер одобрил, а в план группы армий «Центр» по его требованию были внесены дополнения. Было предусмотрено обеспечить более тесное взаимодействие между танками и пехотой с тем, чтобы не допустить образования брешей при наступлении танковых групп на флангах группы армий. Признавалась необходимость избежать крупного сражения в районе Белостока с тем, чтобы дать его не раньше, чем при захвате Минска. Было предусмотрено использовать все технические средства для подтягивания резервов в ходе наступления за южным крылом группы армий «Центр», чтобы не допустить фланговых ударов советских войск. Важным также считалось не допускать «никаких разрывов во время боевых действий с группой армий «Север»⁶⁵.

К концу февраля 1941 г. работа по планированию нападения на СССР по «варианту Барбаросса» практически была закончена. Параллельно с нею вскоре после заключения перемирия с Францией военно-политическое руководство Германии приступило также к реорганизации своих вооруженных сил. По распоряжению начальника штаба верховного главнокомандования вермахта генерал-фельдмаршала В. Кейтеля от 5 сентября 1940 г. было намечено довести общую численность дивизий к весне 1941 г. до 180 боевых дивизий (без учета войск СС), том числе 10 моторизованных и 20 танковых и, кроме того, еще 20 дивизий в резерве⁶⁶. В ходе выполнения этого распоряжения в вермахт был проведен дополнительный призыв на военную службу резервистов. В результате, по сравнению с июнем 1940 г. численность германских вооруженных сил (включая войска СС) к июню 1941 г. увеличилась на 27 процентов, с 5 765 тыс. до 7 309 тыс. человек. При этом сухопутные войска составляли более 73 % численности вооруженных сил (5 360 тыс.), ВВС – 21 % (1 545 тыс.), ВМС – менее 6 % (404 тыс.). Примерно 900 тыс. человек входили во вспомогательный персонал вермахта⁶⁷.

Первостепенное внимание уделялось наращиванию численности сухопутных войск. Если перед наступлением на Францию насчитывалось 156 дивизий, в том числе 10 танковых и 6 моторизованных, то перед нападением на СССР – уже 214 дивизий, в том числе 21 танковая и 14 моторизованных. Для «войны на Востоке» было выделено более 70 % соединений – 153 дивизии, в том числе 17 танковых и 14 моторизованных, а также 3 бригады. Это была самая боеспособная часть сухопутных войск Германии. Для ее авиационного обеспечения из имевшихся в вермахте 5 воздушных флотов было выделено 3 флота полностью и один частично⁶⁸.

Все виды вооруженных сил Германии были оснащены вполне современной боевой техникой и вооружением благодаря не только работе германской военной промышленности, но и оккупированных ею стран. Во время подготовки нападения на Советский Союз заказы вермахта выполняли 4 876 промышленных предприятий в оккупированных Польше, Дании, Норвегии, Голландии, Бельгии и Франции⁶⁹.

С самого начала подготовки войны против СССР германское руководство считало, что у него будет достаточно сил и средств для того, чтобы одержать очередную быструю победу. Вместе с тем, в плане «Барбаросса» предусматривалось участие в войне Румынии и Финляндии, что связало бы часть сил Красной Армии на юге и севере западной границы СССР и тем самым позволило

бы немецкому командованию создать большое превосходство в силах над советскими войсками на главном направлении. Согласно плану «Барбаросса», румынские войска должны были «поддержать наступление южного фланга германских войск, хотя бы в начале операции», а «в остальном нести вспомогательную службу в тыловых районах». Финская армия должна была прикрыть сосредоточение и развертывание у советской границы выдвигавшихся из оккупированной Норвегии группировки германских войск, а затем «вести боевые действия совместно с этими войсками»⁷⁰. В мае 1941 г. германский генеральный штаб решил привлечь к нападению на СССР также и Венгрию. Эта страна, расположенная в центре Европы, являлась как бы перекрестком важнейших коммуникаций. Без ее участия или даже согласия германское командование не могло осуществлять переброску своих войск в Юго-Восточную Европу.

Что же касается Италии и Японии, то их руководство после подписания СССР 12 марта 1940 г. мирного договора с Финляндией лишилось надежды на участие в агрессии против СССР, которая планировалась западными державами под предлогом оказания помощи финнам и довольно быстро переключились на сотрудничество с Германией в расчете воспользоваться для достижения собственных захватнических целей ее успехами в борьбе против англо-французской коалиции.

18 марта 1940 г. состоялась встреча Гитлера с Муссолини. Фюрер сообщил о своем твердом решении разгромить в ближайшем будущем Францию и Англию. Он не настаивал на немедленном согласии Муссолини объявить войну западным державам, а предлагал ему сделать это только после того, как вермахт одержит победы в решающих сражениях во Франции и тем самым обеспечит Италии возможность без особых усилий стать единственной «владычицей Средиземного моря». Перспектива добиться этой давно вынашиваемой цели руками Германии вполне устраивала Муссолини. Он заверил своего партнера по Сталинскому пакту в том, что через 3–4 месяца итальянская авиация и флот будут находиться в полной боевой готовности. Гитлер не открыл Муссолини своих антисоветских замыслов, но заверил его в том, что Германия «сошлась» с СССР только в силу «печальной необходимости» и что эта страна как была, так и останется для него «абсолютно чуждым миром»⁷¹.

В апреле 1940 г. Муссолини, получив известие об успешном начале оккупации вермахтом Дании и Норвегии, в письме Гитлеру выразил восхищение успешным завоеванием этих стран и сообщил

о готовности итальянского флота к боевым действиям в Средиземном море. На поступившие в начале мая призывы правительств США и Англии не вступать в войну, он ответил отказом⁷².

Расчет германского руководства на то, что успех похода вермахта против стран Западной Европы будет способствовать отказу от фактического нейтралитета Италии, полностью оправдался. Первые успехи вермахта в «битве за Францию», начавшейся 10 мая 1940 г., послужили сигналом для вступления Италии в «параллельную войну» за установление господства на Средиземном море: 10 июня 1940 г. она объявила войну Англии и Франции.

Стремительное наступление вермахта на Западе вызвало крайнее возбуждение среди милитаристских кругов в Японии. Они стали требовать от правительства решительных заявлений о притязаниях Японии на господство в Юго-Восточной Азии, призывали его к захвату «беспризорных колоний» терпящих поражение западноевропейских стран. Германское правительство, рассчитывая ускорить вступление Японии в войну против западных держав, поощряло их захватнические устремления. Особенно японское руководство интересовало вопрос о дальнейшей судьбе Голландской Индии, богатой нефтью, цинком и каучуком. 20 мая 1940 г. Риббентроп сообщил в Токио, что Германию, которая к тому времени оккупировала Голландию, якобы совершенно не беспокоит дальнейшая судьба Голландской Индии. После этого японское правительство взяло курс на установление более тесных отношений с Германией.

22 июля 1940 г. к власти в Японии пришло правительство во главе с принцем Ф. Коноэ, которое в качестве своей программной цели провозгласило создание так называемой «великой восточно-азиатской сферы процветания». Новый японский министр иностранных дел И. Мацуока заявил германскому послу в Токио, что Япония рассчитывает на поддержку Германии в ее борьбе за господство в «восточноазиатском пространстве» и поэтому «сближение с Германией – это ее единственный путь»⁷³.

В то время, когда в германских военных штабах в глубокой тайне началось планирование войны против СССР, возобновились прерванные в августе 1939 г. германо-японские и германо-итальянские переговоры о дополнении Антикоминтерновского пакта военным союзом Германии, Италии и Японии. Эти переговоры завершились заключением в Берлине 27 сентября 1940 г. трехстороннего военного союза, вошедшего в историю под названием «Пакт трех держав». В опубликованном тексте содержалась оговорка, что «данное соглашение никоим образом не затрагивает политического статуса, который в настоящее время

существует между каждой из трех сторон и Советской Россией»⁷⁴. Однако она служила лишь маскировкой готовившегося Германией нападения на СССР. Оценивая «Пакт трех держав» Вайцеккер на следующий день после его подписания отметил: «Оговорка о России довольно неубедительна. Будь я на месте Сталина и Молотова, то не радовался бы, что снова без предусмотренных в германо-русском соглашении консультаций возник десятилетний германо-японский союз»⁷⁵.

Оговорка о России не означала отказа Японии от ранее вынашиваемых антисоветских планов. Они только откладывались на некоторый срок. В ходе германо-японских переговоров 14 сентября бывший японский посол в Риме Т. Сиратори заявил немецкому военному атташе в Токио, что он не оставляет надежды на установление германо-японского сотрудничества в уничтожении России⁷⁶. Министр иностранных дел Японии Й. Мацуока на заседании исследовательского комитета Тайного совета 16 сентября 1940 г. заявил, что в любом случае «Япония окажет помощь Германии в случае советско-германской войны, а Германия окажет помощь Японии в случае русско-японской войны»⁷⁷.

Характерно заявление Риббентропа во время его встречи с Муссолини и Чиано в Риме 19 сентября 1940 г. Передав Муссолини уже одобренный в Токио проект договора о военном союзе трех держав, министр иностранных дел Германии подчеркнул, что военный союз Германии и Италии с Японией «навсегда исключит англо-американскую помощь России в Европе. Если же Россия захотела бы примкнуть к Англии и Америке, то в таком случае ей пришлось бы в полном одиночестве нести всю тяжесть такой политики, ибо, как на Западе, так и на Востоке она будет одна противостоять Германии и Японии». Риббентроп при этом хвастливо заявлял, что германский вермахт якобы в «любой момент может уничтожить русскую армию»⁷⁸. Однако он не раскрыл замысла гитлеровской ставки напасть на СССР, не дожидаясь завершения войны против Англии. Муссолини, тем не менее, выразил удовлетворение тем, что Пакт трех держав базируется на «старой антикоминтерновской тенденции» и дал согласие на вступление в него Италии.

Заключение Германией и Италией военного союза с Японией, давно вынашивавшей планы захвата советской Сибири вплоть до озера Байкал, уже само по себе создавало для СССР угрозу в какой-то момент оказаться в тисках двух фронтов: со стороны Германии и Италии на западе и Японии – на востоке. Однако Гитлер и его генералы не видели необходимости привлекать к участию в походе против СССР ни Италию, ни Японию. Уверенные в том, что

им удастся сокрушить советский союз собственными силами в ходе одной молниеносной кампании, они отводили им на время операции «Барбаросса» роль прикрытия Германии с флангов и тыла, хотели, чтобы Италия создавала угрозу Великобритании в Средиземноморском бассейне, а Япония ее потенциальному союзнику — США на Тихом океане.

В январе—феврале 1941 г. в Берлине утвердилось мнение, что основой для налаживания оперативно-стратегического взаимодействия с Японией должно стать ее согласие на захват английской военно-морской базы Сингапур. 5 марта 1941 г. штаб ОКВ издал директиву № 24 «О сотрудничестве с Японией». В ней требовалось «заставить Японию как можно скорее начать наступление на Сингапур» и тем самым «ослабить английские силы», а также отвлечь внимание США от Европы на Тихий океан⁷⁹.

Этой директивой запрещалось сообщать японцам о плане «Барбаросса». Тем не менее, от японского посла в Берлине Х. Осима немецким военным и дипломатам не удалось скрыть роста своей враждебности к СССР. Об этом он регулярно доносил в Токио. В то время японское правительство по совету германского правительства с осени 1940 г. вело переговоры с СССР о заключении договора о нейтралитете, а с 1941 г. вело подготовку к войне против Англии и США. Поэтому донесения его посла из Берлина оказались для него неприятной неожиданностью. Оно не желало преждевременно наживать в лице СССР еще одного сильного противника. В связи с этим японский министр иностранных дел И. Мацуока по поручению своего правительства направился в Москву с целью продолжить переговоры, а также в Берлин, чтобы получить там ответ на вопрос об истинном состоянии германо-советских отношений.

Мацуока 24—26 марта вел переговоры со Сталиным и Молотовым, затем, прервав их, направился в Берлин, где 27 и 28 марта и 4 апреля имел ряд бесед с Гитлером и Риббентропом. Последние не скрывали своей ненависти к СССР. Они советовали Японии не заключать с ним никаких политических соглашений, но не сообщили о готовящейся против него агрессии. Они в тоже время требовали, чтобы Япония как можно скорее захватила Сингапур и объявила войну Англии. При этом Гитлер гарантировал, что Германия немедленно обрушит сокрушительный удар любой державе, будь то СССР или США, если кто-то из них посмеет воспрепятствовать расширению японской агрессии⁸⁰.

Мацуока не прислушался к советам Гитлера. На обратном пути из Германии в Японию он остановился в Москве. Здесь 13 апреля 1941 г. был заключен советско-японский пакт о нейтралитете.

Для того, чтобы как-то разрядить возникшую в связи с этим некоторую напряженность в германо-японских отношениях, Мацуока 6 мая заявил германскому послу в Токио О. Отту: «Ни один премьер-министр или министр иностранных дел не будет в состоянии удержать Японию на нейтральной позиции в случае конфликта с Советским Союзом. В этом случае Япония будет вынуждена напасть на Россию на стороне Германии»⁸¹.

5 июня Гитлер и Риббентроп в общих чертах все же ознакомили японского посла в Берлине Х. Осима с планом «Барбаросса». Не назвав дату нападения на СССР, они предложили японскому правительству, если оно пожелает, тоже напасть на СССР, но подготовиться к этому надо «в как можно более короткий срок». Получив это предложение, японское правительство решило пока не вмешиваться в войну в Европе, но если станет ясно, что Германия войну выиграет, то «применить оружие и одним ударом разрешить северную проблему»⁸².

Для того чтобы расширить исходную базу агрессии против СССР, гитлеровское правительство до ее начала добилось присоединения к Пакту трех держав ряда стран Европы, граничивших с Советским Союзом или находившихся вблизи от его западных границ. 20 ноября в Пакт трех держав вступила Венгрия, 23 ноября — Румыния, 24 ноября — Словакия, 1 марта 1941 г. — Болгария, 16 июня — Независимое государство Хорватия, созданное германским правительством после разгрома и расчленения Югославии в апреле 1941 г. С Финляндией Германия установила военное сотрудничество без включения ее в Пакт трех держав. Под прикрытием заключенных с ней двух соглашений от 12 и 20 сентября 1940 г. о транзите военных материалов и войск в оккупированную Норвегию началось превращение ее территории в операционную базу для нападения на СССР.

О нападении на СССР Гитлер сообщил в письме Муссолини только 22 июня 1941 г., т. е. когда план «Барбаросса» уже вступил в действие. В письме говорилось: «Решающую помощь вы, дуче, сможете оказать, увеличивая наши силы в Северной Африке»⁸³. При этом Гитлер не сомневался, что Муссолини, как и во время войны против Франции, будет настаивать на участии Италии в антисоветской агрессии.

Развертывание основных сил Германии на востоке по плану «Барбаросса» началось в феврале 1941 г. Однако завершить его, как намечалось, до 15 мая не удалось, поскольку часть немецких войск с 6 по 29 апреля 1941 г. участвовала в Балканском походе вермахта против Югославии и Греции. 30 апреля на совещании высшего командования вермахта начало операции «Барбаросса» было перенесено на 22 июня 1941 г. Это решение было принято

без каких-либо опасений, что оно повлияет на успешный ход предстоящих военных действий⁸⁴.

Еще до завершения подготовки нападения на СССР высшие инстанции Третьего рейха заблаговременно разработали планы ликвидации Советского Союза, разграбления его экономики и массового уничтожения советского населения. Наиболее наглядно преступный характер этих планов представлен в речах Гитлера перед высшим командным составом вермахта 9 января и 17 и 30 марта 1941 г.

9 января Гитлер заявил, что война против СССР будет «полной противоположностью нормальной войне на Западе и Севере Европы», что в ней предусматривается «тотальное разрушение», «уничтожение России как государства»⁸⁵. 17 и 30 марта, Гитлер, пытаясь подвести идейную базу под эти разбойничьи замыслы, объявил, что предстоящая война против СССР будет «борьбой двух идеологий», с «применением жесточайшего насилия», что в этой войне предстоит разгромить не только Красную Армию, но и «механизм управления» СССР, «уничтожить комиссаров и коммунистическую интеллигенцию», партийных функционеров и таким путем разрушить «мировоззренческие узы» русского народа⁸⁶.

Война против СССР готовилась нацистами изначально не только как идеологическая, но и как расовая война. В этой войне они намеревались не только разрушить советский государственный и общественный строй, но и лишить населявшие СССР народы права на собственную государственность и культуру, и даже на жизнь. С этой целью нацистская верхушка возвела в ранг государственной доктрины теорию «жизненного пространства» и теорию расового превосходства немцев над другими народами. Согласно этим теориям, немцам, якобы принадлежащих к некой высшей «арийской» расе, катастрофически не хватало земель для размножения, в то время как на Востоке огромное пространство заняли якобы «недочеловеки», в основном славяне – поляки, русские, украинцы, белорусы, которые должны либо исчезнуть с лица Земли, либо стать рабами⁸⁷.

Представители высшего командного состава вермахта к началу войны против СССР хорошо усвоили нацистское мировоззрение и воспринимали Гитлера не только как верховного главнокомандующего, но и как идейного вождя. Его преступные указания они облекали в форму приказов войскам.

С участием Гальдера генерал-квартирмейстер ОКХ Э. Вагнер подготовил подписанный 28 апреля 1941 г. Браухичем приказ «Порядок использования полиции безопасности и СД в соединениях сухопутных войск». В приказе подчеркивалось, что войсковые командиры совместно с

командирами специальных формирований нацистской службы безопасности (СД) несут ответственность за проведение акций по уничтожению в тыловых прифронтовых районах без суда и следствия коммунистов, евреев и «прочих радикальных элементов». Гальдер с помощью советника по правовым вопросам генерал-адъютанта главкома сухопутных войск О. Мюллера по собственной инициативе подготовил проекты еще двух документов, нацеленных на массовое уничтожение советских людей. Первый из них после незначительных изменений был подписан 13 мая 1941 г. начальником штаба ОКВ Кейтелем в форме указа «Об особой подследности в районе «Барбаросса» и особых полномочиях войск». Согласно указу, с солдат и офицеров вермахта снималась ответственность за будущие преступления на оккупированной территории СССР. Им предписывалось быть безжалостными, расстреливать на месте без суда и следствия всех, кто окажет хотя бы малейшее сопротивление или будет сочувствовать партизанам. Другой проект Гальдера и Мюллера был одобрен и издан штабом ОКВ 6 июня 1941 г. в виде «Инструкции об обращении с политическими комиссарами». В ней солдатам и офицерам вермахта предписывалось истреблять на месте попавших в плен всех политических работников Красной Армии⁸⁸.

Вопросом расчленения СССР и установления на его территории германского правления в начале апреля 1941 г. занялся начальник внешнеполитического управления нацистской партии А. Розенберг, назначенный Гитлером «уполномоченным по централизованной разработке вопросов восточноевропейского пространства». В сотрудничестве с МИД Германии Розенберг в начале мая подготовил план создания четырех рейхскомиссариатов во главе с нацистскими гаулейтерами. В первый из них должны были войти Прибалтийские республики и Белоруссия, во второй – западные области России, причем восточная граница его за Уралом не была установлена, в третий – Украина, в четвертый – Кавказ. Власть Германии должна была распространиться также на Туркмению, Казахстан, Таджикистан, Киргизию и так далее.

Германскую администрацию в рейхскомиссариатах должны были возглавлять нацистские гаулейтеры. Так, рейхскомиссариат «Остланд» должен был стать вотчиной гаулейтера Шлезвиг-Гольштейна Х. Лозе. Согласно инструкции, подготовленной Розенбергом еще в мае, ему предписывалось «создать в Прибалтике имперский протекторат, а затем путем онемечивания расово подходящих элементов этой области превратить ее в часть Великогерманского рейха. Балтийское

море должно превратиться под великогерманским надзором в германское озеро»⁸⁹.

В период подготовки нападения на СССР нацистская верхушка чуть ли не первостепенное значение придавала разработке планов использования советского экономического потенциала в интересах обеспечения программы завоевания германского мирового господства. На одном совещании в январе 1941 г. Гитлер говорил, что если Германия «заполучит в свои руки неисчислимые богатства огромных русских территорий», то «в будущем она сможет вести борьбу против любых континентов»⁹⁰.

Разработкой планов разграбления национальных богатств СССР занималась созданная в марте 1941 г. хозяйственная организация «Восток», которая во взаимодействии с войсками вермахта должна была ведать всеми вопросами по экономическому использованию оккупированных областей СССР. Общее руководство этой организацией было поручено Г. Герингу. Ему непосредственно подчинялся экономический штаб «Восток», который в целях маскировки в немецких документах фигурировал под условным названием «Ольденбург».

Планы германского руководства в отношении советской промышленности были изложены в «Директивах по руководству во вновь оккупированных областях», получивших по цвету переплета название «Зеленая папка» Геринга. Директивами предусматривалось организовать на территории СССР добычу и вывоз в Германию тех видов сырья, которые были важны для функционирования германской военной экономики, прежде всего нефти; восстановить ряд заводов с целью ремонта техники вермахта и производства отдельных видов вооружения. Большинство советских предприятий, выпускающих мирную продукцию, планировалось уничтожить⁹¹.

В общих указаниях организации «Восток» от 23 мая 1941 г. по экономической политике в области сельского хозяйства говорилось, что целью военной кампании против СССР является «снабжение немецких вооруженных сил, а также обеспечение на долгие годы продовольствием немецкого гражданского населения». Реализовать эту цель планировалось за счет «уменьшения собственного потребления России», посредством перекрытия каких-либо поставок излишков продуктов из черноземных южных областей в северную нечерноземную зону, в том числе в такие промышленные центры, как Москва и Ленинград. То, что это приведет к голодной смерти миллионы советских граждан, готовившие эти указания прекрасно осознавали, но спасать их от голодной смерти «за

счет Европы» они не собирались. Более того, они планировали после вступления войск вермахта в северную нечерноземную зону России провести «одноразовую акцию» по захвату у крестьян урожая и скота, чтобы они не досталась русскому населению⁹². На одном из совещаний штаба «Ольденбург» в мае 1941 г. говорилось: «Продолжать войну можно будет лишь в том случае, если все вооруженные силы Германии на третьем году войны будут снабжаться продовольствием за счет России. Если мы сумеем выкачать из страны все, что нам необходимо, то десятки миллионов людей будут обречены на голод»⁹³.

Особый интерес Геринг и представители военно-промышленных концернов проявляли к захвату советских нефтеносных районов. В расчете на их эксплуатацию в марте 1941 г. было основано нефтяное общество под названием «Континенталь А. Г.», председателями правления которого стали Э. Фишер от концерна «ИГ Фарбен» и К. Блессинг, бывший директор Имперского банка⁹⁴.

Союзники Германии за пособничество в агрессии также рассчитывали получить часть добычи. Правящая верхушка Румынии во главе с диктатором И. Антонеску намеревалась вернуть не только Бессарабию и Северную Буковину, которую ей пришлось уступить СССР летом 1940 г., но и получить значительную часть территории советской Украины⁹⁵. В Будапеште за участие в нападении на СССР мечтали заполучить всю Трансильванию, так как по второму Венскому арбитражу, осуществленному в августе 1940 г. Германией и Италией, Румыния была вынуждена уступить Венгрии только северные районы этой спорной области, а также бывшую Восточную Галицию, включая нефтеносные районы в Драгобыче⁹⁶. Правительство Финляндии надеялось при содействии Германии взять реванш за поражение в советско-финляндской войне 1939—1940 гг. и распространить свою власть на все советские земли к северу от Невы и Свири, то есть на часть Ленинградской области, советскую Карелию и Кольский полуостров⁹⁷.

В середине июня 1941 г. завершилось развертывание немецких группировок, предназначенных для нападения на СССР. Они расположились в следующих районах⁹⁸.

На Крайнем Севере дислоцировалась немецкая армия «Норвегия». Она имела задачу овладеть Мурманском. В ее состав входили шесть дивизий, в том числе две финские. В юго-восточной части Финляндии располагались 2 финские армии, включавшие 15 пехотных дивизий (из них 1 немецкую) и 3 бригады. Финские армии должны были содействовать немецкой группе армий «Север» в

захвате Ленинграда. Действия войск, сосредоточенных в Финляндии, поддерживали 400 самолетов 5-го немецкого воздушного флота и 500 самолетов финских военно-воздушных сил.

Группа армий «Север» была развернута в Восточной Пруссии на фронте от Клайпеды до Голдапа. В нее входили 16-я и 18-я армии, 4-я танковая группа – всего 29 дивизий, в том числе 6 танковых и моторизованных. Им ставилась задача разгромить советские войска в Прибалтике и в дальнейшем, во взаимодействии с частью сил группы армий «Центр», захватить Ленинград и Кронштадт. Наступление группы армий «Север» поддерживал 1-й воздушный флот, имевший 1 070 боевых самолетов.

Наиболее мощная группировка немецких войск – группа армий «Центр» занимала фронт от Голдапа до Влодавы. Она включала 4-ю и 9-ю армии, 2-ю и 3-ю танковые группы, имевшие 50 дивизий (из них 15 танковых и моторизованных) и 2 моторизованные бригады. Перед войсками группы стояла задача окружить и уничтожить части Красной Армии в Белоруссии, овладеть Полоцком, Витебском, Минском, Смоленском и Гомелем. Этим гитлеровское командование рассчитывало создать условия для дальнейших наступательных операций на московском направлении, а также содействовать наступлению группам армий «Север» и «Юг». Группа армий «Центр» поддерживалась 2-м воздушным флотом, имевшим до 1 680 боевых самолетов.

На южном участке фронта, от Люблина до устья Дуная, были сконцентрированы соединения и части группы армий «Юг». В ее состав входили 6, 17 и 11-я армии, 1-я танковая группа, 3-я и 4-я румынские армии и подвижный венгерский корпус – всего 57 дивизий, в том числе 9 танковых и моторизованных, и 13 бригад. Эта группа должна была уничтожить советские войска на Правобережной Украине, выйти на Днепр, захватить переправы через него в районе Киева и южнее, создав предпосылки для последующих операций восточнее Днепра. Поддержка группы возлагалась на 4-й немецкий воздушный флот (около 800 самолетов) и румынские военно-воздушные силы (до 500 самолетов).

В резерве командования сухопутных войск находились 28 дивизий, в том числе 3 танковые и моторизованные.

В группировке вооруженных сил Германии, выставленной для нападения на СССР, 22 июня 1941 г. насчитывалось 4,1 млн человек, 40,5 тыс. артиллерийских орудий, около 4,2 тыс. танков и штурмовых орудий, более 3,6 тыс. боевых самолетов и 159 кораблей⁹⁹. К антисоветской агрессии были

привлечены войска Финляндии и Румынии, а также Венгрии. С учетом их войск для вторжения в СССР было выделено около 5 млн человек, 182 дивизии и 20 бригад, 47,2 тыс. орудий и минометов, около 4,4 тыс. танков и штурмовых орудий, более 4,3 тыс. боевых самолетов и 246 кораблей¹⁰⁰.

Располагая невиданной в истории войн мощнейшей армией вторжения, немецкое военное руководство не сомневалось в успехе предстоящего похода. Так, главнокомандующий сухопутными войсками вермахта генерал-фельдмаршал В. Браунхич 30 апреля 1941 г. заверил Гитлера в том, что Красная Армия в течение первых четырех недель будет разбита в ходе «ожесточенных пограничных сражений», после чего нужно будет считаться лишь с «незначительным сопротивлением»¹⁰¹. Начальник штаба 4-й армии полковник (позднее генерал) Г. Блюментрит в докладе, подготовленном к совещанию высшего командного состава сухопутных войск, 9 мая 1941 г. писал: «Нам предстоят упорные бои в течение 8–14 дней, а затем успех не заставит себя ждать»¹⁰².

В непогрешимость Гитлера и его генералов как военных стратегов, и непобедимость германского вермахта уверовали и правители союзных Германии стран. Они полагали, что скоро будут вместе с Гитлером торжествовать по поводу быстрой и легкой победы. Начальник генерального штаба итальянских вооруженных сил генерал У. Кабаллеро, получив известие о нападении Германии на Россию, заявил, что «немцы смогут легко одержать великую победу»¹⁰³. Венгерский военный министр И. Барта 23 июня на заседании совета министров, напомнив присутствовавшим о молниеносных кампаниях вермахта против Польши, Франции и на Балканах, высказал уверенность в том, что «в течение шести недель немцы окажутся в Москве и полностью разгромят Россию»¹⁰⁴. Финское военное командование считало, что Германия одержит победу над СССР через шесть недель, в крайнем случае, не позднее чем через четыре месяца¹⁰⁵. Японские генералы заявляли, что «Германия разгромит СССР в 2–3 месяца»¹⁰⁶.

Будучи уверенными в предстоящей победе Германии, правители Италии, Словакии и Хорватии, как только узнали о начале 22 июня 1941 г. нашествия на СССР, по собственной инициативе с «разрешения» Гитлера, спешно направили на германский Восточный фронт свои войска. В считанные недели сюда прибыли итальянский экспедиционный корпус в составе трех дивизий (62 тыс. человек), словацкий корпус с двумя дивизиями (28 тыс. человек) и хорватский усиленный полк (более 3 тыс. человек). Эти соединения поддерживали 83 итальянских, 51 словацкий и до 60 хорватских боевых самолетов¹⁰⁷.

Уверовав в непобедимость вермахта, германские стратеги до нападения на СССР приступили к разработке дальнейших планов борьбы за установление германского мирового господства. Намереваясь «устранить влияние англосаксов в Северной Америке», они уже с 1940 г. вынашивали замыслы захвата Исландии и ряда других островов в Атлантике с целью превращения их в военные базы для развязывания в союзе с Италией и Японией войны против США¹⁰⁸.

В проекте директивы ОКВ № 32 «Подготовка к периоду после осуществления плана «Барбаросса» от 16 июня 1941 г. предусматривалось после завершения войны против СССР приступить к завоеванию Египта, Ирака, Палестины, а также Турции, если она посмеет сопротивляться, захватить Гибралтар и английские владения в Западной Африке с тем, чтобы принудить Великобританию к капитуляции¹⁰⁹.

Таким образом, летом 1941 г. против СССР выступили главные военные силы блока агрессоров. От того, сможет ли Красная Армия выстоять в навязанной ей войне, зависел дальнейший ход не только Второй мировой войны, но и мировой истории.

Evgeny N. Kul'kov. Preparations of Germany and its allies for aggression against the USSR

The article proves, that idea of USSR destroy and hold its riches was a very important part of national-socialist movement foreign program. The Nazis didn't think their plans of the German global domination without realizing such an idea. The whole home and foreign policy of Nazism was to prepare for the war against the USSR. For Berlin, German aggression in Europe in 1936 – 1940 was only a prelude to war against the USSR. The article give a detailed account of Wehrmacht preparation to aggression against the Soviet Union, shows the criminal mind of the Nazi's and their satellites ruling top.

1. Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 8-ми томах. М., 1998. Т. 3. С. 538.
2. Hitler A. Mein Kampf. Bd. 1—2. München, 1940. Bd. 2. S. 296—297.
3. Rauschning H. Hitler's Aim in War and Peace. London, 1940. P. 27.
4. Rauschning H. Gespräche mit Hitler. Zürich, 1940. S. 37, 46.
5. Dokumente zur deutschen Geschichte 1933—1935. Berlin, 1977. S. 24.
6. Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Berlin, 1974. Bd. 1. S. 92.
7. Ibid. S. 93.
8. Kühnl R. Der deutsche Faschismus in Quellen und Dokumenten. Köln, 1977. S. 287, 289.
9. Fall Barbarossa. Dokumente zur Vorbereitung der faschistischen Wehrmacht auf die Aggression gegen die Sowjetunion, (1940—1941). Berlin, 1970. S. 55—56.
10. Мировые войны XX века. Кн. 4. Вторая мировая война. Документы и материалы. М., 2005. С. 17—19.
11. Jacobsen H.-A. Nationalsozialistische Aussenpolitik, 1933—1938. Frankfurt a. M., 1968. S. 425.
12. Мировые войны XX века. Кн. 4. Вторая мировая война. Документы и материалы. С. 20—21.
13. Akten zur deutschen Auswärtigen Politik 1918—1945. Ser. D. Baden-Baden, 1950. Bd. 1. S. 22—23.
14. Auf antisowjetischen Kriegskurs. Studien zur militärischen Vorbereitung des deutschen Imperialismus auf die Aggression gegen die UdSSR. Berlin, 1970. S. 95.
15. Ehrhardt A. Kleinkrieg. Potsdam, 1935. S. 95.
16. Раушинг Г. Говорит Гитлер: зверь из бездны. М., 1993. С. 96—104.
17. См.: Дашичев В.П. Банкротство стратегии германского фашизма: Исторические очерки: Документы и материалы. М., 1973. Т. 1. С. 125—127.
18. Die Weizsäcker-Papiere 1933—950. Hrsg. Von L. E. Hill. Frankfurt a. M., 1974. S. 125.
19. Мюнхен – преддверие войны: (Исторические очерки). М., 1989. С. 126.
20. Причины Второй мировой войны: Документы и комментарии. М., 1989. С. 660.
21. Мировые войны XX века. Кн. 3. Вторая мировая война; Исторический очерк. М., 2005. С. 46.
22. Kuusisto S. Alfred Rosenberg in der nationalsozialistischen Aussenpolitik 1933—39. Helsinki, 1984. S. 132.
23. Год кризиса, 1938—1939: Документы и материалы: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 115—117.
24. Причины второй мировой войны. С. 661—662.
25. 1939 год: Уроки истории. М., 1990. С. 45.
26. The National Archiv of United Staates: A microfilm Publication. T. 20—337. P. 245794—95 (Далее: NAUS).
27. См: подробнее: Мировые войны XX века. Кн. 3. Вторая мировая война. Исторический очерк. С. 45—47, 93—94.
28. Burckhardt C. Meine Danziger Mission 1937—1939. München, 1960. S. 348.
29. Groscurth H. Tagebücher eines Abwehroffiziers, 1938—1940. Stuttgart, 1970. S. 190; Hassel U. Von anderen Deutschland: Aus den nachgelassenen Tagebüchern, 1938—1944. Frankfurt a. M., 1964. S. 77.
30. Цит. по: Мировые войны XX века. Кн. 3. Вторая мировая война. Исторический очерк. С. 97.
31. Zwei Wege nach Moskau: Vom Hitler—Stalin Pakt zum «Unternehmen Barbarossa». München, 1991. S. 537.
32. Кошкин А. А. Крах стратегии «спелой хурмы»: Военная политика Японии в отношении СССР, 1931—1945. М., 1988. С. 72.

33. ДВП СССР. 1939 год. Т. 23. Кн. 2. С. 386, 389—389.
34. Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 1. S. 522.
35. Menger M. Deutschland und Finnland im zweiten Weltkrieg. Berlin, 1988. S. 66—67.
36. Trial of Major War Criminals before the International Military Tribunal. Nuremberg, 1947—1949. Vol. 26. P. 379—382 (Далее – IMT).
37. Below N. Als Hitlers Adjutant, 1937—1945. München, 1980. S. 183, 192.
38. IMT. Vol. 26. P. 331.
39. Die Weizsäcker – Papiere 1933—1945. S. 219.
40. Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Der Angriff auf die Sowjetunion. Bd. 4. Stuttgart, 1983. S. 216.
41. Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 9.
42. Auf antisowjetischen Kriegskurs. S. 104.
43. Fall Barbarossa. S. 123—124; Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 219.
44. Проектор Д. М. Агрессия и катастрофа. М., 1968. С. 142; Auf antisowjetischen Kriegskurs. S. 105.
45. Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 216.
46. Fall Barbarossa. S. 121.
47. Ibid. S. 122.
48. Fall Barbarossa. S. 125.
49. Ibid. S. 123, 126.
50. Россия. XX век. Документы. 1941 г. В 2 кн. Кн. 1. М., 1998. С. 153—156.
51. Fall Barbarossa. S. 122.
52. Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 228.
53. Ibid. S. 226—227.
54. См.: Ямпольский В. Н. «...Уничтожить Россию весной 1941 г.» (А. Гитлер, 31 июля 1940 года): Документы спецслужб СССР и Германии. 1937—1945 гг. М., 2008. С. 591.
55. Fall Barbarossa. S. 130.
56. Fall Barbarossa. S. 130—131.
57. Ibidem.
58. Deutschland im Zweiten Weltkrieg. B., 1974. Bd. 1. S. 370.
59. Ямпольский В. П. Указ. соч. С. 599/
60. Fall Barbarossa. S. 141—142.
61. Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 1. S. 523.
62. Fall Barbarossa. S. 78—80, 111, 123.
63. Kriegstagebuch des Oberkommando der Wehrmacht (Wehrmachtführungsstab), 1940—1945. Frankfurt a. M., 1965. Bd. 1. S. 258 (Далее – KTB/OKW).
64. См.: Ямпольский В. П. Указ. соч. С. 611—619; Fall Barbarossa. S. 153—156.
65. Гальдер Ф. Военный дневник: Ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск 1939—1942 гг.: Пер. с нем. М., 1968. С. 368, 374.
66. Fall Barbarossa. S. 208—210.
67. Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933—1945: Пер. с нем. М., 1956—1976. Т. 1. С. 47; Т. 3. С. 326—330; Weltkrieg 1939—1945: Ehrenbuch der deutschen Wehrmacht. Stuttgart, 1954. Т. 3. S. 97; Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Stuttgart, 1988. Bd. 5/1. S. 856, 959.
68. Мировые войны XX века: Кн. 3. Вторая мировая война: Исторический очерк. М., 2005. С. 132.
69. Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 1. S. 533.
70. Новые документы по новейшей истории. М., 1996. С. 127.
71. Staatsmänner und Diplomaten bei Hitler. Vertrauliche Aufzeichnungen der Unterredungen mit Vertretern des Auslandes, 1933—1944. Frankfurt a. M., 1967. Т. 1. S. 96—103.
72. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers 1940. Wash., 1957. Vol. 2. P. 694—695, 698, 704, 706.
73. NAUS. Т. 20—337. P. 246156.
74. Мировые войны XX века. Кн. 4. Вторая мировая война. Документы и материалы. С. 103.
75. Die Weizsäcker–Papiere 1933—1950. S. 254.
76. IMT. Vol. 34. P. 609.
77. Рагинский Г. М., Розенблит С. Международный процесс главных японских военных преступников. М., 1956. С. 242.
78. Akten zur deutschen auswärtigen Politik, 1918—1945. Ser. D. Bonn, 1964. Bd. 11. S. 100. (Далее – ADAP).
79. Нюрнбергский процесс. Сб. материалов. Т. 1—2. М., 1954. Т. 2. С. 412.
80. Нюрнбергский процесс. Сб. материалов. Т. 2. С. 416—419.
81. Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes. Akten betreffen Japan. Bl. 85050.
82. Мировые войны XX века. Кн. 3. Вторая мировая война: Исторический очерк. С. 105.

83. Messe G. La Guerra al fronte russo: le corpo di spedizione italiano (C.S.L.R). Roma, 1954. P. 16.
84. IMT. Vol. 26. P. 556.
85. Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht (Wehrmachtsführungsstab) 1941—1945. Frankfurt a. M., 1965. Bd. 1. S. 253, 257.
86. Fall Barbarossa. S. 291.
87. См.: Цительманн Р. К обоснованию места «жизненного пространства» в мировоззрении Гитлера // Вторая мировая война: Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. Пер. с нем. М., 1990. С. 432—443.
88. См.: Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 426—440.
89. Deutschland im zweiten Weltkrieg. Bd. 1. S. 561.
90. KTB/OKW. Bd. 1. S. 258.
91. См.: Нюрнбергский процесс. Т. 4. С. 365—394.
92. Новые документы по новейшей истории. М., 1996. С. 133—137.
93. Нюрнбергский процесс. Т. 3. С. 556.
94. Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 1. S. 555—556.
95. Statsmänner und Diplomaten bei Hitler. Т. 1. S. 591—592.
96. Венгрия и вторая мировая война. С. 245, 254, 257; Allianz Hitler—Horthy—Mussolini. Dokumente zur ungarischen Aussenpolitik (1933—1944). Budapest, 1966. S. 324.
97. Menger M. Deutschland und Finnland im Zweiten Weltkrieg. В., 1978. Op. cit. S. 136, 138, 140.
98. См.: Великая Отечественная война без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание. (Г. Ф. Кривошеев, В. М. Андонников, П. Д. Буриков, В. В. Гуркин). М., 2009. С. 20—21.
99. Великая Отечественная война. 1941—1945. Кн. 1. С. 113.
100. Там же.
101. IMT. Vol. 26. P. 399—401.
102. Reihardt K. Die Wende vor Moskau: Das Scheitern den Strategie Hitlers im Winter 1941/1945. Stuttgart, 1972. S. 21.
103. The Ciano Diaries, 1939—1943. N.Y., 1946. P. 369.
104. Венгрия и вторая мировая война. Секретные документы из истории кануна и периода войны. Пер. с венг. М., 1962. С. 246.
105. Menger M. Op. cit. S. 144.
106. Документы внешней политики, 22 июня 1941—1 января 1942 г. М., 2000. Т. 24. С. 39.
107. Groeler O. Geschichte des Luftkriegs 1913—bis 1970. Berlin, 1975. S. 295—296.
108. IMT. Vol. 25. P. 391—394.
109. Hitlers Weisungen für die Kriegführung 1933—1945. Frankfurt a. M. 1962. P. 129—133.